

Анна Шилд
Ада Огнева

柔道

БОЛЬШЕ
ЧЕМ
СПОРТ

МОСКВА
СЕГОДНЯ
СИЛЬНЕЕ

Болевой приём
для **мажора**

Ада Огнева

Болевой приём для мажора

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Болевой приём для мажора / А. Огнева — «Автор», «Автор»,
2026

Татьяна Соколова привыкла бросать на татами тяжеловесов и не собирается уступать свой зал столичному мажору. Глеб Шахов привык получать всё за деньги — пока не влетает в ведро с грязной водой и не становится посмешищем клуба. За унижением следует безумный спор. Теперь ему придётся тренироваться по её правилам, мыть татами и доказывать, что за дорогой фамилией есть хоть что-то ещё. Таня не намерена делать поблажки. Глеб не намерен отступать. Но когда под угрозой оказывается сама «Юность», их поединок перестаёт быть просто развлечением.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Шилд

Болевой приём для мажора

Болевой приём для мажора

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

В подвале спортшколы «Юность» на Автозаводской пахло именно так, как должен пахнуть правильный зал дзюдо с сорокалетней историей. Сухой сосновой канифолью для обуви, терпким соленым потом трех поколений районных пацанов, вытертым желто-синим винилом татами и пыльной штукатуркой, которая неспешно осыпалась с кирпичных стен всякий раз, когда на ковер роняли тяжеловеса.

Я стояла на одном колене на краю мата и в сотый раз за вечер поправляла левую пятку девятилетнего Ваньки Сорокина. Ванька пытел, раздувал конопатые щеки и отчаянно пытался удержать равновесие в передней стойке. Шнурок его белого пояса развязался, вытертые штанины кимоно пузырились на коленях, а язык от усердия высунулся почти до подбородка.

— Не заваливай таз, Вань. — Я чуть повернула его ступню носком внутрь; Ванька тут же перестал качаться. — Опора идет в подушечки пальцев, центр тяжести вниз. Если ты стоишь на пятках, тебя смахнет любой первоклассник обычным движением стопы. Дзюдо — это физика рычага и геометрия устойчивости. Поймал баланс — выиграл схватку. Потерял баланс — считаешь доски на потолке.

— Понял, Татьяна Андреевна, — прохрипел Ванька, судорожно втягивая живот. — Я держу. Я как скала.

— Скала у нас пока покачивается на ветру. Плечи опусти. Дыши животом.

Из открытой двери маленькой тренерской пахло крепким индийским чаем со смородиновым листом. Сан Саныч, наш бессменный директор и мой единственный наставник с семи лет, сидел за скрипучим фанерным столом в вылинявшей синей олимпийке со старыми белыми буквами на спине. Он медленно помешивал ложкой в граненом стакане в алюминиевом подстаканнике и с тихой усмешкой наблюдал за нами сквозь мутные очки в роговой оправе.

— Ты его не муштруй как в сборной, Танюша, — негромко подал голос старик, пряча улыбку в седые усы. — Пацан второй месяц на ковре. Дай мышцам привыкнуть к собственной тяжести.

— Если мышцы сразу не привыкнут стоять ровно, Саныч, на соревнованиях через год ему оторвут куртку вместе с рукавом, — отозвалась я, не оборачиваясь. — Правильная стойка спасает от больницы надежнее любого защитного шлема.

Остальные восемнадцать пацанов из младшей группы гуськом бежали по периметру зала, шлепая босыми пятками по стыкам покрытий. Воздух звенел привычным монотонным шумом детской тренировки — отрывистые выдохи, шуршание плотного хлопка, хлопки ладоней о настил при учебных перекатах.

И ровно в семнадцать сорок пять этот уютный борцовский ритм разорвало в клочья.

С улицы, сквозь полуподвальные зарешеченные окна с мутными стеклами, докатился низкий, утробный, дрожащий рокот. Такой звук не издает ни один нормальный городской автомобиль. Это был тяжелый басовитый рык мощного турбомотора с настроенным выхлопом. Вибрация мгновенно ударила по стеклам. Старый плафон под потолком жалобно задребезжал, осыпав на подоконник крупницы засохшей замазки. На улице взвизгнула широкая низкопрофильная резина.

Раздался глухой хруст раскрошившегося бордюрного камня. Кто-то наглый, тяжелый и абсолютно уверенный в собственной безнаказанности заехал двумя правыми колесами прямо на пешеходный тротуар, с грохотом перекрыв вход на наше узкое бетонное крыльцо.

— Ого, — выдохнул Ванька, напрочь забыв про стойку и повернув веснушчатый нос к окну. — Танк приехал.

— Стоять в позиции, Сорокин, — скомандовала я, хотя внутри уже поднялась знакомая холодная волна спортивной злости.

За окном замер огромный, матово-черный, с бликами фонарей на стеклах внедорожник. Мерседес-АМГ Г63 последней сборки. Прямоугольная туша на двадцатидюймовых кованых дисках, тонированные в глухую черноту стекла, хищная решетка радиатора и массивные трубы глушителей под порогами. Машина стояла в миллиметре от детских самокатов, прислоненных к ржавым перилам крыльца.

Дверь подъезда распахнулась с пинка. Наш выдавший виды дверной доводчик жалобно звякнул лопнувшей пружиной, и тяжелая деревянная створка со всего маха ударилась об огра-
ничитель.

В тренировочный зал вошел человек.

Ему было около двадцати восьми. Высокий, под метр девяносто, с широким разворотом плеч и породистой осанкой завсегдатая дорогих столичных клубов. Темные густые волосы уложены с той нарочитой небрежностью, за которую в барбершопах на Патриарших берут месячную зарплату школьного учителя. На нем было расстегнутое бежевое пальто из невесомого итальянского кашемира, темно-серые шерстяные брюки с идеальными стрелками и тонкий джемпер цвета графита, плотно обтягивавший рельефную грудь.

Но главное преступление находилось внизу.

На ногах пришельца красовались безупречные кожаные лоферы коньячного оттенка. Надетые, разумеется, на босую ногу — по последнему писку журнальной моды, невзирая на сырой московский ноябрь. И в этих самых уличных туфлях, несших на подошвах дорожную слякоть и бензиновую пленку с асфальта, лощеный незнакомец задержался на пороге, оглядел босых ребят и с ленивым цоканьем каблуков шагнул прямо на чисто вымытые сине-желтые маты.

Пацаны в строю замерли. В зале повисла гулкая, неестественная тишина. Только вода капала где-то в углу из старой батареи.

Глеб Шахов — а это был именно он, хотя его громкую фамилию я узнала лишь парой часов позже — брезгливо скривил породистый рот, оглядывая наш зал. Его взгляд скользнул по облупленным углам, по фанерному щиту с пожелтевшими грамотами десятилетней давности, по старым чугунным гилям у шведской стенки и остановился на пацанах в заплатанных куртках.

В правой руке он лениво покручивал тяжелый металлический брелок с тремя лучами в круге.

— День добрый, труженики тыла, — бархатным, глубоким баритоном произнес гость, даже не подумав сделать шаг назад к порогу. — Кто тут старший по сараю? Заведующий, директор, старший истопник? Мне нужен тот, кто подписывает бумаги по аренде складских площадей подвала.

Сан Саныч в тренерской медленно опустил стакан на блюде. Чайная ложка звякнула о край. Старик нахмурился, но с места не сдвинулся, прекрасно зная, что в этом зале правила устанавливаю я.

Я медленно поднялась с колена. Мой потертый черный тренировочный пояс был плотно затянут на два тугих узла. Рост метр семьдесят два, пятьдесят девять килограммов сухих тренированных мышц, собранных под плотной хлопковой тканью кимоно. Волосы забраны в тугой пучок на затылке, ни одной выбившейся пряди.

Я сделала три неслышных шага босыми ногами по татами, остановившись ровно в полутора метрах от начищенных коньячных туфель.

— Обувь снимают при входе на ковер. — Я посмотрела на мокрый след у его носка, потом ему в лицо. — На стене у двери висит табличка на двух языках. Для тех, кто умеет читать.

Шахов моргнул. Впервые с момента своего эффектного явления он опустил глаза и посмотрел прямо на меня.

На его лице отразилось искреннее, неподдельное недоумение. Затем губы мажора дрогнули в ленивой, снисходительной усмешке. Он явно принял меня за чью-то старшую сестру, случайную помощницу или в лучшем случае девочку на побегушках, которой доверили присматривать за малышкой, пока тренеры пьют чай. В его холеных глазах цвета мокрого асфальта вспыхнул знакомый хищный огонек избалованного самца, привыкшего брать женщин одним щелчком пальцев.

— Ого, — протянул он, скользнув взглядом по моей фигуре, по открытой шее и ключицам. — Какая грозная дюймовочка. А я думал, в таких сырых подвалах водятся только усатые пенсионеры в трико с вытянутыми коленками.

Он сократил дистанцию на шаг. От него пахло дорогим парфюмом с нотами сандала, хорошим табаком и безграничной наглостью человека, чей банковский счет позволяет плевать на любые правила приличия.

— Послушай, красавица, — он наклонился чуть ближе, понизив голос до интимного полусшепота. — Бросай ты эту возню с детским садом. Пыль, пот, сквозняки, копеечная зарплата. Поехали со мной в настоящий клуб на набережной. У меня сеть «Апекс Прайм», слышала про такую? Панорамные кардиозоны, вид на башни Сити, спа-комплекс, мраморные раздевалки. Я покажу тебе, как выглядит настоящий взрослый фитнес и нормальная жизнь.

Шахов переложил брелок в левую руку, достал из кармана карту клуба и самодовольно протянул ее правой рукой. Ладонь с ухоженными ногтями и массивной печаткой из белого золота на безымянном пальце миновала мою выставленную ладонь и двинулась к моей талии. В пальцах он держал блестящую пластиковую карту с тисненой золотой надписью, намереваясь небрежным жестом сунуть ее мне за плотный отворот дзюдоги.

Пацаны за моей спиной синхронно затаили дыхание. Даже Ванька забыл закрыть рот.

С точки зрения биомеханики его движение было катастрофой. Плечо поднято, локоть открыт, корпус завален вперед, опора на правую пятку перегружена, левая нога висит в воздухе без надежного сцепления с поверхностью. Идеальная, хрестоматийная мишень для классического контрастирующего приема самообороны.

Я не стала читать лекцию о личных границах.

В тот момент, когда холеные пальцы мажора находились в пяти сантиметрах от моего пояса, моя левая рука метнулась вперед хлестким, коротким ударом змеи. Пальцы захлопнулись на лучезапястном суставе Шахова, фиксируя основание большого пальца снизу вверх. Классический болевой залом кисти наружу — прием котэ-гаэси, отточенный тысячами повторений на сборах.

Шахов дернулся следом за кистью, пытаясь освободить руку.

Улыбка соскользнула с лица Глеба быстрее, чем капля пота со лба. В его серых глазах сверкнула дикая, паническая боль. Дыхание перехватило, рот беззвучно открылся, а колени сами собой подогнулись к матам, повинувшись закону анатомического рычага.

— Эй... ты че... пусти... — выдавил он хриплым, сорванным шепотом.

Но отпускать я не собиралась.

Без единой доли секунды задержки, продолжая вытягивать захваченную руку на себя и ломая его осанку, я сделала короткий подшаг правой ногой вперед. Вкрутила правое бедро точно под его центр тяжести, плотно прижалась спиной к его расстегнутому кашемировому пальто, обхватила его за спину второй рукой и выпрямила колени с мощным, взрывным доворотом корпуса влево.

Бросок через бедро — чистейший, канонический о-госи.

Сто восемьдесят восемь сантиметров лощеного столичного миллионера, упакованного в кашемир и золото, оторвались от пола с легкостью соломенного чучела. Он описал в пыльном

воздухе зала идеальную широкую дугу. Его бежевые полы пальто взметнулись крыльями испуганной птицы, брелок от внедорожника со свистом вылетел из разжавшихся пальцев.

Грохот падения сотряс перекрытия старого здания.

Глеб Шахов врезался лопатками в жесткое татами с таким раскатистым хлопком, будто в центре Москвы разорвался артиллерийский снаряд. Из его легких со свистящим кашлем выбило весь воздух до последней молекулы. Диафрагма мажора спазмировалась, глаза выкатились из орбит, а рот жадно хватал воздух, как у выброшенного на бетонную набережную сома.

И тут сработал закон идеального сценического финала.

В момент сокрушительного приземления правый кожаный лофер соскочил с холеной ноги Шахова. Обувь описала высокую параболу над ковром, просвистела мимо остолбеневшего строя пацанов и с оглушительным жестяным звоном плюхнулась точно в старое цинковое ведро с мыльной жижей, приготовленное дежурными для уборки зала после смены. Фонтан грязных серых брызг взметнулся до самого подоконника.

— Иппон! — истошно, на весь подвал завопил девятилетний Ванька, подпрыгивая на месте и победно вскидывая кулак. — Чистая победа! Дядя улетел в космос!

Глава 2

Остальные пацаны прыснули, безуспешно зажимая рты ладонями. Зал наполнился сдавленным, счастливым детским гоготом.

Я сделала полшага вперед и опустила босую ступню на мат в двух сантиметрах от породистого, идеального носа распластанного Шахова. Он лежал на спине, судорожно втягивая воздух посиневшими губами. Его кашемировое пальто помялось, шелковая подкладка задралась на уши, а левая рука судорожно прижимала к животу пульсирующее болью правое запястье.

— Объясняю один раз, для особо одаренных инвесторов, — негромко, но так, чтобы каждое слово впечаталось в его контуженный мозг, произнесла я. — Первое. Обувь снимают на резиновом коврике у входной двери. Второе. Локти при броске держат ближе к телу, чтобы не собирать плечевые связки по частям в травмпункте. И третье. Если твои руки еще раз дернутся в сторону моей талии, красавчик, я проверю на прочность твой локтевой сустав.

Глеб с трудом сфокусировал мутный взгляд на моем лице. На его холеных щеках проступали багровые пятна удушья и чудовищного, невыносимого позора.

Из дверей тренерской неспешно вышел Сан Саныч. Старик держал в руке надкусанную сушку, с интересом разглядывал лежащее на ковре тело в кашемире и покачивал седой головой.

— Танюша, — укоризненно вздохнул наставник. — Я же просил поаккуратнее. Погляди, в третьем ряду штукатурка с потолка опять на маты осыпалась. Кто подметать будет?

— Он и будет, если через пять секунд не покинет территорию, — отрезала я.

Шахов зашевелился. Преодолевая боль в отбитой спине и ноющей кисти, он перевернулся на четвереньки. Его породистый лоб был перемазан темной пылью с ковра. Правая босая нога нелепо волочилась по полу. Он пополз к выходу, отчаянно цепляясь пальцами за стыки матов, под дружное улюлюканье детворы.

У подоконника он нашел цинковое ведро, с омерзением выудил из мутной жижи промокший до нитки лофер и, хромая на одну ногу, вывалился на улицу.

Дверь захлопнулась. Через десять секунд за окном яростно, до визга в цилиндрах взревел мощный мотор, и тяжелый внедорожник с пробуксовкой сорвался с тротуара, умчавшись в сторону набережной.

Я повернулась к залу, глубоко вдохнула и поправила пояс.

— Шоу окончено, орлы. Ванька, на исходную. До конца тренировки еще сорок минут. Кто уронит стойку — делает пятьдесят отжиманий на пальцах. Работаем!

После тренировки я отправила ребят по домам, лично проследив, чтобы каждого младшего забрали родители. Сан Саныч остался в подсобке возиться с отчетными ведомостями за прошлый квартал. Я приняла быстрый горячий душ в нашей крошечной душевой, где из пяти леек исправно работала ровно одна, натянула привычные серые спортивные штаны, безразмерное черное худи с капюшоном и старые беговые кроссовки.

До дома на Дубровке я добралась пешком за двадцать минут. Холодный сырой воздух приятно остужал горящие после тренировки скулы. Я жила в скромной двухкомнатной квартире в кирпичной пятиэтажке, доставшейся мне от бабушки. Старый диван, полка со спортивными кубками и медалями, тяжелый чугунный чайник на плите и тишина.

Я заварила ромашковый чай, нарезала ржаной хлеб с сыром и только уселась за стол, как мой телефон на подоконнике начал вибрировать с настойчивостью отбойного молотка.

Первым позвонил Денис, мой давний спарринг-партнер по юношеской сборной, который теперь вел секцию самбо в соседнем районе.

— Танька, ты жива? — вместо приветствия заорал он в трубку так громко, что мембрана захрипела. — Ты кого там сегодня через бедро приложила?

— Очередного хама без сменной обуви. — Я откусила бутерброд и зажала телефон плечом. — А что такое?

— Что такое? Ты открой районный чат! Один из папаш, который сидел на лавке у крыльца и ждал сына, снял весь твой коронный номер на камеру с зумом через открытую дверь! Там видно все в деталях. Как лощеный хлыщ пальцы гнет, как ты вяжешь ему кисть, и как его ботинок с металлическим звоном летит прямо в ведро для мытья полов! Ролик за два часа набрал тридцать тысяч просмотров в районных пабликах, а потом утек в городские каналы!

Я отложила надкусанный хлеб, сбросила звонок и открыла ленту сообщений.

Телефон раскалится от уведомлений. Видео висело во всех спортивных и городских группах столицы. Подписи пестрели язвительными заголовками вроде «Мастер спорта доходчиво объясняет правила приличия» и «Полет мажора в помойное ведро на Автозаводской». Комментарии сыпались сотнями в минуту, народ искренне наслаждался бесплатным цирком.

О том, что в этот самый час происходило на другом конце Москвы, в сияющем стекле небоскребов, я узнала гораздо позже. Полную запись тех ночных событий мне сунут под нос лишь через месяц, когда карточный домик рухнет с оглушительным треском. Но восстановить ту картину по секундам оказалось пугающе просто.

В закрытом элитном клубе «Панорама» на шестьдесят втором этаже башни «Федерация» в Москва-Сити пятничный вечер только набирал обороты.

Огромные панорамные окна от пола до потолка открывали вид на ночную столицу, раскинувшуюся внизу светящейся паутиной золотых проспектов и черных изгибов реки. В воздухе висел тяжелый аромат селективного парфюма, дорогого табака и сухого шампанского. Из мощных акустических колонок под потолком бил глубокий, гипнотический электронный бас, от которого мелко вздрагивали кубики льда в тонких хрустальных бокалах.

Глеб Шахов сидел в самом углу полупустой VIP-ложи, на высоком барном стуле из черной кожи возле подсвеченной снизу ониксовой стойки.

Он успел сменить перепачканное пальто и запыленные брюки на свежую шелковую рубашку полуночно-синего оттенка и темные дизайнерские джинсы. Но переодевание не спасало от последствий падения на наш жесткий подвальный настил. Каждое движение лопаток отзывалось тупой, тягучей вспышкой боли в пояснице. А правое запястье под манжетой распухло, налилось багровым жаром и требовало плотной тугой повязки.

Шахов держал в левой ладони тяжелый граненый рокс с двойной порцией двенадцатилетнего шотландского виски и угрюмо смотрел на янтарную жидкость. Он прижимал холодное стекло к ноющей скуле, пытаясь убедить себя, что позорная сцена в подвале останется тайной между ним, старым тренером и горсткой сопливых пацанов.

Этим наивным надеждам оставалось жить ровно три минуты.

Тяжелые зеркальные двери ВИП-зоны с грохотом распахнулись. В зал шумно ввалилась компания постоянных завсегдатаев столичных тусовок. В центре процессии шествовал Артур Багиров — давний приятель, постоянный конкурент по клубным проектам и главный ядовитый завистник Шахова.

Артур был ровесником Глеба, но выглядел совершенно иначе. Смуглый, жилистый, с хищными восточными чертами лица, в расстегнутом бордовом бархатном пиджаке поверх голой груди, на которой мерцала массивная бриллиантовая цепь в палец толщиной. Его сопровождали три длинноногие модели с одинаковыми надутыми губами и бокалами коктейлей в тонких пальцах.

В правой руке Багиров сжимал включенный смартфон. На его губах играла откровенно издевательская, торжествующая ухмылка человека, сорвавшего главный куш в казино.

— Расступитесь, господа! — загремел Артур на всю ложу, перекрывая клубную музыку и взрываясь театральным хохотом. — Дорогу великому фитнес-магнату! Снимите шляпы перед грозой столичного бомонда!

Артур целенаправленно прошагал к стойке, растолкал скользящих официантов и с размаху опустил ладонь на плечо Глеба. Тот дернулся от острой боли в ушиленной ключице и сжал челюсти так, что на скулах вздулись твердые желваки.

— Чего тебе надо, Багиров? — сквозь зубы процедил Шахов, не поворачивая головы.

— Мне? Да мне ничего не надо, братишка! — Артур буквально захлебывался от восторга, разворачивая экран телефона прямо перед глазами приятеля. — Мне весь вечер в личку друзья скидывают это кинематографическое чудо! Полюбуйтесь, дамы! Наш непобедимый Глебушка осваивает партер в районной спортшколе!

Артур нажал кнопку воспроизведения и выкрутил громкость на максимум.

На ярком экране мобильного в высоком разрешении крутился ролик. Вот Шахов входит в зал в своих лоферах. Вот он тянет холеную руку к талии невысокой девушки в темно-синей куртке. Вот девушка делает молниеносный перехват, подшаг, резкий взрыв бедер — и роскошное тело миллионера взлетает к потолку, распластавшись в воздухе. Звучит глухой хлопок о маты, лофер свистит через весь экран и с веселым бульканьем погружается в серое ведро с грязной водой.

Девицы за спиной Артура прыснули в кулачки. За соседними столиками раздались первые смешки, которые за секунду переросли в откровенный, дружный гогот всей тусовки.

— Какой бросок, а? Какая пластика полета! — глумился Багиров, прижимая руку к груди. — Ты летел красивее чартерного рейса на Мальдивы, Шахов! А звук приземления какой сочный, чисто спелый арбуз с фуры уронили! Скажи честно, туфлю из помойки сам вылавливал или попросил тренера подсобить половой тряпкой?

Глеб медленно поставил бокал на полированный камень стойки. Стекло глухо стукнуло о поверхность. Пальцы Шахова мелко дрожали от бешенства, в глазах плескалась глухая, первобытная ярость. Быть избитым в темном переулке — неприятно, но объяснимо. Но стать всеоб-

щим посмешищем для золотой молодежи Москвы, быть униженным девчонкой из спортзала на глазах сотен тысяч зрителей в сети — это был смертный приговор его безупречной репутации.

— Заткнись, Артур, — тихо и очень отчетливо произнес Глеб. — Она дернулась неожиданно. Обычная дворовая оторва с поставленным приемом. Знал бы я, что она полезет в драку, заблокировал бы на входе.

— Да ладно тебе оправдываться! — Багиров сделал глоток шампанского из бокала спутницы. — Тебя уложила на лопатки девчонка весом меньше шестидесяти килограммов! Ты же у нас легенда фитнеса, гуру кроссфита, повелитель модельных подиумов! А тут тебя приложили мордой в пыль, да еще и выставили вон, как нашкодившего щенка! Признай, Шахов, твоя хваленая мужская харизма дала трещину. Ты перед ней — пустое место с кошельком.

— Я перед любой женщиной в этом городе могу взять то, что захочу, — Шахов резко развернулся на стуле, нависая над Артуром всем корпусом. — В постели такие строптивые ломаются за два красивых жеста, один нормальный ужин и букет роз. Через неделю она будет шелковой.

Багиров сощурил темные глаза, и в них блеснул алчный, волчий азарт профессионального картежника.

— Слова, Глебушка. Дешевые понты для бедных. Спорим, что ты к ней даже на пушечный выстрел подойти не сможешь? Она твоими розами костер в своем сарае разведет, а тебя снова отправит ловить рыбу в ведре. Ты струсишь.

Воздух между ними натянулся до предела. Музыка в клубе словно отодвинулась на задний план. Свидетели за соседними столами замолчали, предчувствуя крупную ставку.

Шахов медленно поднялся во весь свой немалый рост. Его глаза горели холодным, маниакальным огнем уязвленной гордости.

— Спорим, Багиров. На что угодно спорим. Назови ставку.

Артур хищно осклабился. Он медленно опустил руку в карман своего бархатного пиджака и извлек на свет массивный автомобильный брелок с трехлучевой звездой и гравировкой тюнинг-ателье.

— Мой новый матово-черный Мерседес-АМГ Г63. Кастомная сборка, семьсот лошадей под капотом, салон из кожи наппа. Машина стоит тридцать пять миллионов рублей. Против твоего точно такого же внедорожника, один в один.

Глава 3

Глеб не дрогнул ни единым мускулом лица.

— Условия?

— Срок — ровно тридцать календарных дней, — отдельно, смакуя каждую букву, произнес Багиров. — Таймер пошел прямо с этой секунды. Задача предельно конкретная. Ты должен обаять эту дику championку, сломать ее неприступность, затащить в свою спальню и положить на лопатки на собственных шелковых простынях. Подтверждение победы — либо ты приводишь ее сюда в клуб за руку на тридцатый день как свою официальную подругу, либо предъявляешь мне однозначное видеосвидетельство капитуляции из своего пентхауса.

Артур наклонился к самому уху Глеба и добавил с ядовитым шипением.

— Не успеешь уложиться в тридцать дней, получишь от ворот поворот или решишь соскочить — твоя машина переходит мне. А ты публично, на глазах всей тусовки в этом баре, признаешь себя комнатным пуделем и при всех выпьешь залпом воду из ведра той самой полоумки. По рукам?

В ложе повисла мертвая тишина. Тридцать пять миллионов рублей и публичное уничтожение статуса. Для любого разумного человека это было безумием чистой воды.

Но Шахов в ту ночь разумом не пользовался. В его венах бурлила гремучая смесь уязвленного эгоизма, алкоголя и бешеного желания доказать миру свое абсолютное превосходство.

Он с силой выставил вперед широкую ладонь.

— Готовь ключи и мой салон от пыли, Багиров, — хрипло бросил Глеб. — Через месяц ты пересядешь на метро.

Их ладони сошлись с громким, хлестким хлопком, прозвучавшим как выстрел стартового пистолета. Артур удовлетворенно оскалится, повернувшись к приятелю с телефоном, который зафиксировал каждое слово и удар по рукам на видеокамеру.

Шахов одним глотком допил остатки виски, швырнул стакан на стойку и направился к лифтам, отстранив попытавшегося задержать его приятеля.

План созрел в его голове мгновенно. Девушка из подвала не брала подарков, не реагировала на дорогие машины и умела ломать суставы. Значит, лобовая атака исключена. Чтобы добраться до ее спальни, нужно сначала проникнуть на ее собственную территорию. Стать тем, кому она обязана уделять время каждый день.

Ему нужен был легальный пропуск на ее ковер.

А я в это время на своей кухне на Дубровке допивала остывший ромашковый чай, смотрела на темное окно и думала лишь об одном. О том, что завтра суббота, впереди две детские группы, и надо обязательно напомнить Сан Санычу купить новый рулон армированного скотча для заклейки щелей на стыках матов.

О надвигающейся катастрофе стоимостью в тридцать пять миллионов я не имела ни малейшего понятия.

Субботнее утро в спортшколе «Юность» началось под заунывный, ритмичный звон падающих капель.

За ночь над Москвой прошел холодный, затяжной осенний ливень со шквалистым ветром. Старая рубероидная кровля над нашим крылом, уложенная еще в конце восьмидесятых годов, окончательно сдалась под напором стихии.

Я пришла в зал к восьми утра, чтобы проветрить помещение перед детскими группами, и сразу услышала этот мерзкий звук. Кап. Кап. Кап. Звонко, размеренно, с отчетливым эхом пустого коридора.

В крошечной тренерской стоял тяжелый, удушливый запах сырой штукатурки, прелого бетона и многолетней сырости. Прямо над фанерным шкафом, где хранились запасные пояса, аптечка и личные дела воспитанников, расплывалось огромное темно-желтое пятно. Штукатурка на потолке вздулась уродливыми пузырями. Вода сочилась по трещинам в кирпичной кладке и частыми грязными струйками стекала точно в старое цинковое ведро, подставленное на табурет.

Сан Саныч сидел за столом, сгорбившись так, будто на его плечи взвалили стокилограммовую штангу. Его старая синяя олимпийка была застегнута под самое горло. Перед наставником лежал пожелтевший лист бумаги с расчетами из районного ремонтно-строительного управления. В пальцах старика дрожал огрызок химического карандаша, которым он с остервенением черкал и подчеркивал цифры в смете.

Я подошла ближе, положила ладонь на его напряженное плечо.

— Насколько все плохо, Саныч?

Старик тяжело вздохнул, снял очки в роговой оправе и потер усталые, покрасневшие от бессонницы глаза.

— Хуже некуда, Танюша. Бригадир кровельщиков из жилконторы только что звонил. Сказал открытым текстом. Триста тысяч рублей задатка наличными до вторника. Только на гидроизоляционную мастику и двадцать рулонов финского рубероида, чтобы заделать аварийный участок над спортзалом и душевыми. Если во вторник утром аванса не будет, бригаду перебрасывают на коммерческий объект в Печатники. А нас при первом же мокром снегопаде опечатают выездная комиссия санэпидемстанции.

— А в окружном спортивном комитете что говорят?

Сан Саныч горько усмехнулся в седые усы, махнув рукой в сторону телефонного аппарата на полке.

— Что они могут сказать? Бюджет года закрыт, свободных лимитов ноль. Предложили написать заявку на следующий финансовый период. То есть в лучшем случае к маю следующего года. Если потолок раньше не рухнет детям на головы. Куда пацанов девать, Тань? На улицу выставить? В подворотни, пиво по подъездам сосать?

У меня внутри все сжалось в тугой, болезненный узел. Эта школа была моим домом. Сюда меня, семилетнюю девчонку с ободранными коленками, за руку привел отец. Здесь Сан Саныч учил меня правильно падать, терпеть поражения, стискивать зубы и побеждать на первенствах страны. Большинство наших мальчишек росли без отцов, из бедных семей, где лишней сотни рублей на нормальные кроссовки не водилось. Если закрыть этот подвал, они просто пропадут на улице.

— Найдем, Саныч, — твердо сказала я, хотя сама не представляла, где взять такую сумму за три дня. — Я сниму все свои призовые со сберкнижки. Там около восьмидесяти тысяч. Одолжу у тренеров из федерации, займу под расписку...

Договорить я не успела.

Входная дверь тренерской, не смазанная с прошлого года, с коротким деревянным скрипом распахнулась настежь. Без малейшего стука или предупреждения.

На пороге возник человек.

Я замерла с открытым ртом, а Сан Саныч выронил свой химический карандаш прямо на лист сметы.

Перед нами стоял вчерашний покоритель помойных ведер, собственной персоной. Но в каком невероятном, умопомрачительном виде!

На Глебе Шахове было надето ослепительно белое, новенькое профессиональное дзюдоги японского производства. Плотность хлопка была максимальной — граммов девятьсот на квадратный метр, так называемая «двойная плетенка», в которой обычно выступают на чемпионатах мира. Ткань еще не знала ни единой стирки и стояла колом, словно жестяные рыцарские доспехи. Широкий воротник упирался мажору в чисто выбритый подбородок, не давая повернуть шею. На плотном поясе золотыми шелковыми нитями красовался вышитый японский иероглиф знаменитой фабрики из Токио.

Но шедевром композиции был не воротник.

Прямо из-под правой подмышки миллионера, на толстой пластиковой леске, победно свисал огромный глянцево-магазинный ярлык размером с почтовую открытку. На картоне черным по белому сияла фабричная цена — тысяча двести евро. Мажор либо так торопился явить себя миру, либо был настолько уверен в неотразимости ценника, что попросту забыл его срезать.

На левом плече Глеба покачивалась дорогая спортивная сумка из черной зернистой кожи. А его правое запястье, вчера испытывшее на себе все прелести моего коронного приема, было аккуратно замотано эластичным бежевым бинтом.

Лицо Шахова излучало безмятежное, снисходительное сияние победителя.

— Доброе утро, спортивный авангард столицы, — бархатным баритоном поприветствовал он нас, небрежно прислоняясь широким плечом к дверному косяку. От движения жесткая хлопковая куртка закрипела, словно новый брезентовый тент на ветру. — Надеюсь, я не опоздал к утреннему чаепитию?

Я медленно скрестила руки на груди, ощущая, как волна ярости поднимается от солнечного сплетения к горлу.

— Шахов? Ты перепутал адрес. Маскарад для богатых бездельников проходит на другом конце Москвы. Выметайся отсюда, пока я не вспомнила технику броска через грудь с падением.

Глеб даже бровью не повел. Он окинул меня внимательным, долгим взглядом с головы до ног, задержавшись на моих карих глазах. Никакого страха в его лице не читалось. Только холодный, расчетливый спортивный азарт.

— Спокойнее, тренер Соколова. Побереги бойцовский пыл для татами. Я пришел без желания сводить счеты. Моя цель — заключить взаимовыгодное соглашение. Вчерашняя демонстрация твоих навыков оказалась на редкость убедительной. Я человек дела. Если я вижу

пробел в собственной физической подготовке, я его немедленно закрываю с привлечением лучших специалистов рынка.

— Чего? — я прищурилась, не веря собственным ушам.

— Я нанимаю тебя в качестве персонального тренера, Татьяна Андреевна, — с непоколебимым пафосом объявил Шахов. — Индивидуальный курс дзюдо и прикладной самообороны. Будешь лично учить меня правильно ронять людей на ковер и еще правильнее группироваться при падении. Мне нужен стопроцентный результат в кратчайшие сроки.

Я издала короткий, презрительный смешок.

— Ты бредишь, мажор. Я тренирую детей и веду группы женской самообороны. Богатых нарциссов с раздутым самомнением я не беру даже за большие деньги. Купи себе резиновый тренажер в свой стеклянный загон в Сити, наклейте на него мою фотографию и отрабатывайте удары перед зеркалом. Выход вон там.

Шахов снисходительно улыбнулся кончиками губ, словно заранее знал каждую реплику моего отказа.

— Красивая поза, тренер. Гордая, принципиальная, бескорыстная. Прямо образцовый плакат советских времен. Только вот реальность выглядит несколько прозаичнее.

Он медленно опустил кожаную сумку на табурет возле двери, плавно расстегнул металлическую молнию, запустил внутрь руку и извлек на свет толстый, увесистый прямоугольный брусок.

Это была банковская пачка новеньких пятидесятирублевых купюр, затянутая в прозрачную фабричную ленту с синими печатями государственного банка. Ровно сто билетов по пять тысяч рублей. Полмиллиона чистейших наличных денег.

Глеб сделал два шага вперед и с глухим, тяжелым стуком опустил пачку на фанерный стол Сан Саныча, прямо поверх листа с расчетами жилконторы.

Капля воды с потолка звонко ударила в цинковое ведро. Кап.

В тренерской повисла оглушительная тишина.

Сан Саныч замер, уставившись на хрустящие оранжевые купюры круглыми глазами. Его пальцы застыли в воздухе, дыхание перехватило.

— Тройной тариф за тренировки. Остальное — школе. — Шахов прижал пачкой угол сметы, загнувшийся от сырости. — Оплата за месяц вперед. Занятия пять дней в неделю, строго индивидуально, в удобное мне утреннее время. Я слышал ваш разговор из коридора. Триста тысяч на кровлю — вот они. Остаток пустите на трубы и форму для пацанов.

Он выдержал паузу, позволив каждому слову осесть в сыром воздухе комнаты.

— А теперь скажи мне, Соколова. Твоя девичья гордость и обида за вчерашний лофер действительно стоят того, чтобы выставить два десятка пацанов на улицу под снос здания? Выбирай. Либо ты тренируешь меня по моим правилам, либо через неделю этот подвал опечатает санэпидемстанция, а твои чемпионы пойдут искать приключений по темным дворам.

Глава 4

Меня словно огрели дубовой доской по затылку.

Циничный, расчетливый мерзавец бил точно в цель. Вместо букета на столе лежала пачка денег, и Сан Саныч уже смотрел на нее так, будто видел новую крышу. Шахов нашел самое уязвимое, самое больное место нашей школы и нажал на него всей тяжестью своего банковского счета.

Я перевела взгляд на Сан Саныча. Старый наставник сидел, опустив голову. Его широкие ладони с узловатыми суставами мелко подрагивали. Он ничего не говорил, не смел давить на меня, но в его позе сквозило такое тихое, безысходное отчаяние, что у меня сдавило горло.

Откажись я сейчас — школа погибнет. Спесь мажора останется ненаказанной, а наши мальчишки лишатся своего единственного дома.

Я медленно сделала глубокий вдох через нос, заполняя легкие сырым воздухом, и выдохнула через сжатые зубы. Эмоции в сторону. На ковре побеждает тот, кто умеет использовать силу противника против него самого. Главный закон дзюдо — поддаться, чтобы победить.

Я подошла к столу, сгребла тяжелую пачку пятидесятирублевых купюр в руку, шагнула в угол тренерской и с грохотом распахнула толстую чугунную дверцу старого нестораемого советского сейфа. Бросила деньги на металлическую полку рядом с журналом учета инвентаря.

Тяжелая дверца захлопнулась с металлическим звоном, сотрясшим стены. Я повернула массивный ключ на два оборота, вынула его из замочной скважины и со стуком положила на стол перед Сан Санычем.

— Заказывай кровельщиков, Саныч. — Я подвинула к нему ключ от сейфа поверх сметы. — Пусть начинают работы в понедельник с семи утра.

Старик судорожно сглотнул, поднял на меня влажные глаза и тихо, одними губами выдохнул.

— Спасибо, дочка...

Я повернулась к Шахову. Подошла к нему вплотную, так близко, что чувствовала тепло его дыхания и аромат дорогого сандалового парфюма, упорно пытавшегося перебить запах нашей сырости. Я посмотрела снизу вверх в его серые, самодовольные глаза.

— Ты сам подписал себе приговор, Шахов. Часть денег пойдет за занятия по тройному тарифу, остальное — твой взнос школе. Саныч все оформит. Но запомни раз и навсегда правила, по которым ты будешь здесь существовать.

Я ткнула указательным пальцем прямо в его широкую грудь, затянутую в жесткий японский хлопок.

— Первое. Время занятий назначаю я, а не ты. Опоздаешь хотя бы на одну минуту — занятие сгорает, деньги не возвращаются. Второе. Начнешь ныть, жаловаться на усталость или спорить с моими указаниями — вылетаешь вон в ту же секунду. Третье. Попытаешься распускать руки или отпускать свои сальные шуточки — я сломаю тебе второе запястье, и никакой эластичный бинт не поможет. И четвертое. Здесь нет инвесторов, совладельцев сетей и хозяев жизни. Здесь есть тренер и ученик. Для меня ты просто неповоротливый мешок с костями в белой пижаме. Усвоил?

Уголок рта Глеба дернулся. Мой напор явно застал его врасплох, но отступать он не собирался. В его глазах вспыхнуло упрямое, злое пламя.

— Усвоил, тренер Соколова. Посмотрим, кто из нас закроет контракт первым.

— Прекрасно, — я смерила его уничтожающим взглядом сверху донизу. — А теперь сделай одолжение, мажор. Сними ценник из-под мышки. Ты выглядишь как магазинный манекен из отдела уцененных товаров. Жду на татами ровно через пять минут. Время пошло.

Я развернулась на пятках и вышла в пустой тренировочный зал, оставив дверь открытой.

Из коридора мне было отлично слышно, как Шахов, пытаясь сохранить невозмутимый вид перед Сан Санычем, нервно дернул толстую пластиковую нить магазинной пломбы под мышкой. Леска не поддавалась. Тогда мажор, чертыхаясь себе под нос, вцепился в нее зубами, пытаясь перекусить прочный пластик. Раздался глухой хруст, затем жалобный вскрик.

— Ай, черт... губу прикусил...

Я не удержалась и тихо, злорадно усмехнулась себе под нос, ступая босыми ногами на сине-желтый ковер.

Первый раунд остался за мной. Но самое интересное было впереди.

Через пять минут пустой тренировочный зал напоминал гулкий храм древнего боевого искусства, освещенный косыми лучами холодного утреннего солнца. Пылинки кружились в воздухе над полем татами. Запах сосновой канифоли, старого винила и остывающего бетона наполнял пространство рабочей строгостью.

Я стояла в центре синего квадрата в своей привычной темно-синей форме. Пояс завязан на два плотных узла, босые ноги укоренены в ковер, дыхание ровное, пульс шестьдесят ударов в минуту.

Дверь из раздевалки тихо скрипнула.

На пороге появился Шахов. Без обуви. В своем хрустящем белом дзюдоги, которое стояло на нем жестким колоколом, сковывая широкие плечи. Ценник под мышкой он все-таки оторвал, оставив у шва крошечный огрызок пластиковой нити. На нижней губе мажора темнела свежая ссадина от неудачного укуса, но подбородок он держал высоко, пытаясь сохранить остатки светского лоска.

Глеб сделал первый шаг по татами.

Его холеная, непривычная к холоду босая ступня коснулась плотного винилового покрытия. Шахов мгновенно вздрогнул, поджал пальцы и смешно переступил с пятки на носок. Шахов поискал глазами теплый пяточек и обнаружил, что весь путь до меня придется пройти по этому ледяному покрытию.

— Тренер Соколова, — выдавил он с напускной иронией, пытаясь спрятать неловкость за привычной светской ухмылкой. — А где у вас выдают махровые тапочки с подогревом и лавандовые полотенца для лица? Их нужно заказывать через мобильное приложение или лично просить у завхоза?

Я медленно повернула голову в его сторону. Мой взгляд был тяжелым и сухим.

— Полотенце тебе не понадобится, Шахов. Пот будешь вытирать собственными рукавами. Построились. Пятки вместе, носки врозь. Поклон залу.

Глеб попытался небрежно кивнуть головой, как на светском фуршете, но я мгновенно оборвала этот жест.

— Поклон в дзюдо — это традиция уважения к месту тренировки и сопернику, а не кивок бармену в клубе. Корпус наклоняется вперед под углом тридцать градусов, спина прямая, взгляд направлен в ковер. Еще раз.

Шахов стиснул зубы, но выполнил поклон по всем правилам.

— Молодец. А теперь — разминка. Пятьдесят кругов по периметру зала приставным шагом, правым боком. Бегом марш!

Он дернулся, словно его стегнули хлыстом.

— Сколько? Пятьдесят? У меня персональный кардиотренинг на беговой дорожке занимает ровно пятнадцать минут под наблюдением врача...

— Уже шестьдесят, Шахов. Разговоры на тренировке караются добавлением кругов. Время пошло.

Мажор тяжело вздохнул и побежал.

Первые две минуты он пытался держаться молодцом. Широкие плечи расправлены, шаг пружинящий, дыхание глубокое. Все-таки базовая спортивная форма у него присутствовала — видно было, что парень не чужд тренажерного зала и периодически боксирует с тренером в мягких перчатках. Но бокс в кондиционированном зале с паузами на глоток изотоника и функциональный ад борцовского подвала — это две совершенно разные вселенные.

На четвертой минуте его дыхание сбилось.

Хлопковая куртка плотностью девятьсот граммов мгновенно превратилась в мокрый, удушающий панцирь, который не выпускал тепло и весил добрых пять килограммов. Лицо Глеба залилось густым багровым румянцем. Вены на висках вздулись, а из горла вырвался первый хриплый, свистящий кашель.

— Не сбавлять темп! — командовала я, стоя в центре ковра и контролируя каждое его движение. — Руки у подбородка, стопы мягче! Дыши носом, выдыхай ртом!

— Я... дышу... — прохрипел он, едва переставляя тяжелеющие ноги.

— Плохо дышишь. Упор леж! Пятьдесят крокодильчиков по диагонали ковра!

— Каких еще... крокодильчиков?

— Ползком на предплечьях и носках, прижимая таз к татами. Пошел!

Шахов рухнул на живот с глухим стоном. Его тяжелое кимоно заскрипело о винил. Он пополз вперед, перебирая локтями и скребя пальцами ног по покрытию. Мышцы кора и плечевого пояса запылали адским пламенем уже на середине дистанции. Капли пота градом катились с его породистого носа, разбиваясь о желтый мат мелкими темными кляксами.

К концу разминки лощеный плейбой напоминал человека, вытасченного из бурной горной реки. Его уложенные волосы слиплись в мокрые сосульки, белая ткань куртки промокла насквозь и облепила мощную спину, а грудь вздымалась с такой силой, будто легкие готовы были разорвать ребра.

Он повалился на спину, раскинув руки, судорожно глотая воздух открытым ртом.

— Воды... — выдавил он сдавленным шепотом. — Дай... глоток...

— У умывальника кружка. Два глотка, отдышись — и садись на ковер. Ноги в стороны. Растяжка.

Глеб с трудом принял сидячее положение. Его пальцы дрожали, когда он распахнул мокрый ворот куртки, обнажая широкую, мускулистую грудь, покрытую испариной. На его шее бешено колотилась сонная артерия. Почувствовав паузу, мажор попытался собрать остатки своего фирменного обаяния. Он криво, через силу усмехнулся, глядя на меня снизу вверх влажными серыми глазами.

— Тренер... а скажи честно... — протянул он с хрипотцой, тяжело дыша в такт словам. — Если у меня связка на бедре потянется... персональный массаж входит в твой тройной прайс? Или за отдельную плату договоримся в более приватной обстановке?

Я даже бровью не повела.

Его дешёвый клубный флирт вызвал у меня лишь холодное профессиональное любопытство. Такие типы понимают только язык физической обратной связи.

Я сделала неслышный шаг вперед, опустилась перед ним на одно колено. Я показала ему, как развести ноги шире, и положила ладони ему на плечи, поправляя сутулую спину.

— Массаж, говоришь? — тихо переспросила я.

— Ну... да... если мышцы забились...

— Сейчас снимем напряжение. Полный релакс по восточной методике.

Глава 5

Я попросила его наклониться вперед. Шахов рванулся слишком бодро, явно рассчитывая снова отпустить шуточку.

На полпути его остановили собственные затекшие мышцы.

Бархатный соблазнительный баритон миллионера мгновенно испарился. Вместо него из широкой мужественной груди вырвался тонкий, пронзительный, почти девичий писк. Глаза Шахова вылезли из орбит, холеные пальцы судорожно забарабанили по татами.

— А-а-ай! Стой! Стой,пусти! Порвешь! Там же все живое!

— Глубокий вдох, Шахов. — Я придержала его за плечи, помогая выпрямиться. — Связки жесткие, как сухой буксировочный трос. Меньше нужно сидеть в кожаных креслах своих немецких машин. Расслабь мышцы. Тянешься до натяжения, а не до боли. И запомни: если больно — говоришь сразу, геройство оставь для клубов.

— Я... дышу... черт бы тебя побрал... отпусти!

Я убрала руки с его плеч. Глеб согнулся пополам, прижимая ладони к паху, тяжело роняя лоб на колени. Его плечи мелко подрагивали, а по вискам текли струйки пота, смешанные с выступившими от боли слезами.

— Запомнил первое правило растяжки? — поинтересовалась я, поднимаясь на ноги.

— Запомнил... — сипло прохрипел он в колени. — Ты садистка, Соколова. Чистая, сто-процентная инквизиция.

— Я отличный тренер, Шахов. А ты плохо подготовился к контракту. Встать. Переходим к главному разделу.

Он с трудом поднялся, пошатываясь на деревянных ногах.

— К какому главному? Мы же еще даже броски не пробовали...

— Прежде чем кого-то бросать, нужно научиться безопасно падать. Если боец не умеет падать, первый же встречный сломает ему ключицу или вышибет дух о твердую поверхность. Раздел называется усиро-укэми. Самостраховка при падении назад на спину.

Я встала боком, демонстрируя технику.

— Смотри внимательно. Исходное положение — глубокий полуприсед. Руки вытянуты вперед. Подбородок намертво прижат к яремной впадине грудины. Голова никогда, ни при каких обстоятельствах не касается мата. Если коснешься затылком — получишь сотрясение мозга. Спина круглая, как колесо. Мягкий перекат назад по округлой спине, и в момент касания лопаток — мощный, хлесткий удар выпрямленными ладонями по ковру под углом сорок пять градусов к корпусу. Ладонь гасит кинетическую энергию удара. Пальцы вместе.

Я плавно опустилась, перекатилась назад, и по залу разнесся сухой, как выстрел, хлопок моих ладоней о татами. Через секунду я уже снова стояла на ногах в исходной стойке.

— Понял принцип? Пятьдесят повторений. Начинай.

Глеб посмотрел на меня так, будто я предложила ему прыгнуть с крыши без парашюта.

— Пятьдесят раз упасть на спину? Ты издеваешься?

— Сорок девять, если сделаешь первое прямо сейчас. Время идет, Шахов.

Он сжал зубы, присел и неуклюже завалился назад.

Хлопок получился вялым, невнятным. Подбородок мажора пополз вверх; я успела подхватить его голову ладонью над самым матом.

— Неправильно! — рявкнула я. — Голову прижми! Зубы сомкнуть, язык не прикусывать! Удар руками жестче! Рука должна звенеть! Еще раз!

Шахов упал снова. Затем еще раз. И еще.

Зал наполнился глухими ударами тяжелого тела о татами и звучными хлопками ладоней. Десять падений. Двадцать. Тридцать.

С каждым новым приземлением из легких Глеба вырывался тяжелый, стонущий выдох. Кожа на его холеных ладонях побагровела, налилась горячей кровью и горела так, словно ее опустили в кипящее масло. Мышцы шеи сводило судорогой от постоянного удержания тяжелой головы на весу. Лопатки гудели от монотонных ударов.

После сорокового падения он напоминал оживший труп. Движения стали замедленными, деревянными, но в его глазах больше не было спеси. Там горела чистая, яростная мужская злость на собственную немощь.

На сорок пятом повторении японский шелковый пояс окончательно развязался.

Длинный белый конец шнура с золотыми иероглифами соскользнул вниз и змеей пополз по ковру. Глеб попытался резко вскочить на ноги, чтобы доказать мне свою неутомимость, наступил босой пяткой на собственный пояс, запутался в широких штанинах и со всего маха нелепо рухнул носом вперед.

Шлепок получился грандиозным.

Шахов распластался на животе прямо у моих босых ног, уткнувшись мокрым лицом в синий винил мата. Его руки согнулись у груди, пальцы скребли покрытие, а спина ходила ходунот от судорожных попыток поймать воздух.

В зале повисла звенящая тишина. Только старый плафон под потолком тихо жужжал, да где-то за стеной капала вода в ведро.

Я стояла над поверженным миллионером, глядя на его сбитое дыхание и мокрую от пота шею. Я уже собиралась отпустить колкость про пояс, но он снова уперся ладонями в мат, пытаясь подняться. Колкость так и осталась при мне. Парень был избалованным, наглым хамом, но стержень внутри него имелся. Другой на его месте сбежал бы еще на крокодилчиках. А этот терпел, стискивал зубы и падал снова и снова.

Я развернулась, подошла к старому чугунному умывальнику в дальнем углу зала и с силой повернула тугой латунный вентиль.

Трубы загудели, задрожали, и из ржавого крана с шипением ударила упругая струя ледяной водопроводной воды.

Я сняла с деревянной полочки тяжелую советскую эмалированную кружку синего цвета со старым сколом на ручке. Наполнила ее до краев студеной прозрачной влагой. Сделала два неторопливых глотка, смывая сухость во рту, затем вернулась к ковру и опустилась на корточки рядом с лежащим Шаховым.

— Поднимайся, боец. Водный перерыв.

Глеб с трудом оторвал лицо от мата. Его щека была расчерчена полосами от складок кимоно, на подбородке темнела пыль. Он повернул голову, увидел кружку, и в его затуманенных глазах мелькнул первобытный огонь жажды.

Шахов судорожно протянул обе дрожащие руки, вцепился в холодную эмаль и припал губами к краю.

Вода была обжигающе холодной, пахла железом старых московских труб, но он пил ее с таким благоговением, с каким никогда не пил самое дорогое коллекционное шампанское в ресторанах на Патриарших. Студеная влага текла по его подбородку, капала на растерзанный воротник куртки, остужая горящее нутро.

Он сел, выпил все до последней капли, тяжело откинулся на локти и уронил голову на грудь, шумно выдыхая через нос.

— Живой? — спросила я.

— Вроде... — голос Глеба звучал глухо, как из бочки. — Скажи... ты всех своих клиентов так убиваешь... или для меня персональная скидка?

— Для тебя персональная надбавка за вредность. — Я забрала опустевшую кружку; он проводил ее таким взглядом, что пришлось обещать еще воды. — Ты сам выбрал тройной тариф. Привыкай отрабатывать каждую копейку.

Я поднялась во весь рост и посмотрела на настенные часы.

— На сегодня вводный урок окончен. Твое расписание на ближайший месяц. Понедельник, среда, пятница — восемь утра. Вторник, суббота — девять утра. Опоздание на одну минуту — занятие сгорает. Я предупреждала. Без исключений.

Шахов с трудом оперся о татами, пытаясь поднять свое измученное тело. Мышцы ног предательски подрагивали, плечи ныли, но он упрямо заставил себя встать на ноги и даже попытался расправить спину.

— Я приду, Соколова, — тихо, но твердо произнес он, глядя мне прямо в глаза. — Ровно в восемь ноль-ноль. Не надейся, что я сломаюсь.

— Посмотрим, — я кивнула в сторону дальнего угла зала, где возле шведской стенки стояло ведро и лежала тяжелая деревянная советская швабра с серой половой тряпкой. — А теперь последнее упражнение на сегодня. Закрепление пройденного материала.

Глеб непонимающе нахмурился, проследив за моим жестом.

— Это что еще такое?

— Это швабра, Шахов. Берешь ее в руки, мочишь тряпку в умывальнике и начисто вытираешь за собой татами. Пот разъедает виниловое покрытие. Чистота ковра — священный долг каждого, кто на него ступает. У нас самообслуживание.

Мажор замер. На его лице отразилась целая буря эмоций. Совладелец элитной фитнес-империи, человек со счетами в швейцарских банках и автопарком спорткаров должен был взять деревянную швабру и мыть пол в сыром полуподвале на Автозаводской.

Секунду мне казалось, что он взорвется. Швырнет форму, закричит, хлопнет дверью и потребует назад свои полмиллиона рублей.

Но Шахов неожиданно усмехнулся. Криво, зло, но абсолютно искренне.

Он молча развернулся, шаркая босыми ногами по ковру, подошел к шведской стенке и взял тяжелую деревянную рукоять. Опустил тряпку под струю воды, отжал ее сведенными судорогой пальцами и вернулся на ковер.

Швабра мерно заскрипела по синему винилу, стирая следы пота и пыли.

Я стояла у дверей тренерской, наблюдая за его ровными, упорными движениями. Внутри меня шевельнулось странное, незнакомое доселе чувство. Этот парень был невыносим, самолюблен и нагл до крайности. Но в нем горел настоящий огонь. Огонь, который невозможно купить за деньги.

Я зашла в тренерскую и тихо прикрыла дверь.

Впереди был целый месяц. И я прекрасно понимала, что эта схватка только начинается.

Глава 6

Минутная стрелка настенных часов в подвале с щелчком замерла на цифре двенадцать. Ровно восемь ноль-ноль утра.

В зале спортивной школы «Юность» стояла гулкая тишина. Воздух был прохладным, настоящим на запахах влажного бетона, канифоли, старого брезента и едкой хлорной извести, которой тетя Клава с вечера заливала кафель у входа. Я успела закончить полуторачасовую разминку. Футболка приятно липла к лопаткам, темные волосы держались в тугом тренировочном узле без единой выбившейся пряди.

Я стояла посреди главного зала, ступнями ощущая привычную шероховатость матов, и методично выравнивала концы широкого черного пояса. Пояс помнил сотни падений, жесткие захваты на чемпионатах страны, сорванные пальцы и ту боль, которая превращает человека в борца.

Тяжелая железная дверь в тамбуре с глухим стоном подалась наружу. В коридоре слышались шаги.

Точнее, это было трудно назвать шагами. Раздался осторожный, шаркающий звук подошв по линолеуму, сопровождаемый сдавленным дыханием и тихим ругательством.

В проеме показался Глеб Шахов.

Я приподняла бровь, не опуская рук от узла на талии. Наш столичный плейбой шел так, словно вместо позвоночника ему вставили негнувшийся рельс, а колени намертво залили строительным гипсом. Каждый шаг давался ему с видимой мукой. Он держал спину прямо, боясь наклониться даже на миллиметр, ступни ставил плоско, а его холеное лицо выражало скорбь обманутого человечества. Субботние падения и разминка принесли плоды. За воскресенье мышцы успели остыть и теперь мстили за каждый шаг. Крепатура накрыла его сокрушительной волной.

При этом Шахов подготовился со всей светской роскошью. На нем было японское кимоно снежно-белого цвета из тяжелого зернистого хлопка плотностью под тысячу граммов на метр. На груди тонким шелком сияла эмблема токийского бренда, отвороты куртки стояли жестко, как фанера, а пояс лежал на бедрах с шиком завсегда закрытых клубов.

Самым выразительным штрихом была круглая шляпная коробка нежно-розового цвета с широкой золотой атласной лентой, которую Глеб держал в правой руке. На крышке рельефно блестел вензель кондитерской с Патриарших прудов.

— Доброе утро, тренер Соколова, — произнес он, переступая порог зала. Вышло сипловато, а на слове «доброе» щека дернулась от спазма в пояснице.

— Сними обувь за порогом, Шахов, — напомнила я. — На татами ступают босиком.

Глеб сдержал протяжный стон, опустил коробку на стул и принялся стягивать фирменные кеды. Наклон вперед отозвался в пояснице такой судорогой, что парень зажмурился и судорожно втянул носом воздух сквозь зубы. Выпрямился он с видом мученика, но фирменную улыбку натянул обратно.

Он подхватил коробку и осторожно, едва сгибая колени, подошел к столу.

— Решил подсластить суровые будни юношеского спорта, — начал он, водружая кондитерский шедевр поверх стопки старых журналов. — Фисташковые эклеры с малиновым кули и тарталетки с заварным кремом. Шеф-кондитер лично клялся, что там минимум углеводов и сплошные эндорфины. Компенсация за пятничный инцидент.

Я медленно перевела взгляд с золотого вензеля на его лицо. В серых глазах Шахова плясали самодовольные искорки. Он явно думал, что пара пирожных ценой в половину зарплаты районного библиотекаря вернет общение в привычное для него русло легкого флирта.

— Во-первых, Шахов, на этот стол кладут только журнал посещаемости и аптечку, — отчеканила я. — Во-вторых, еда в тренировочной зоне запрещена санитарным регламентом. А в-третьих — спасибо за заботу о подрастающем поколении.

Я подцепила коробку за ленту двумя пальцами и шагнула к двери тренерской.

— Сан Саныч! — позвала я в полумрак кабинета. — Спрячьте к себе в шкаф. Пацанам из младшей группы к чаю выдадите. У них после падений зверский аппетит.

Сан Саныч высунул из двери седую голову, моргнул на розовую коробку, перевел взгляд на окаменевшего Шахова и крякнул в усы.

— Доброе дело, Танюша. Пацаны обрадуются. Сахарок растущему организму на пользу. Дверь закрылась.

Глеб застыл с открытым ртом. Его лицо вытянулось от искренней растерянности.

— Погоди, Таня... — выдавил он. — Там одна порция стоит как абонемент в приличный бассейн.

— Дети оценят, — пожала я плечами. — Время восемь ноль-пять. Пять минут оплаченного часа ты потратил на разговоры об эклерах. На середину ковра. Шагом марш.

— Насчет шагом... — он попробовал усмехнуться. — Мышцы ведут себя так, будто их жевали бульдоги. Наука утверждает, что при остром миозите показан покой, теплый душ и расслабляющий массаж.

— Наука дзюдо утверждает другое, — сдернула я с шеи секундомер на шнурке. — Начнем двигаться, там посмотрим. Разминка номер один: берпи. До ста, короткими сериями, между ними отдыхаешь.

Шахов замер. Брови поползли вверх.

— Сколько?

— Сто. С падением на грудь и хлопком над головой в прыжке. Без халтуры.

— Таня, это жестокое обращение с клиентами, — предпринял он попытку отшутиться. — Я плачу тебе тройной тариф за искусство самообороны, а вовсе не за то, чтобы скончаться от инфаркта на войлоке. Начнем с дыхательной гимнастики.

— Время пошло, Шахов, — нажала я кнопку секундомера. Механизм тихо щелкнул. — Пока ты споришь, время занятия уходит. Первый пошел...

Глеб выругался сквозь зубы. Гордость взяла верх над ломотой. Он упал вперед, выбросив ноги назад.

Первые десять повторов Глеб сделал на чистой злости. Тяжелое кимоно шуршало о маты, руки работали мощно, прыжки получались пружинистыми. Он бросал на меня дерзкие взгляды снизу вверх, доказывая стойкость.

На двадцатом повторе темп упал.

К тридцатому от легкости не осталось следа. Дыхание Шахова стало тяжелым, сдавленным, вырывающимся с влажным свистом. Каждый наклон отзывался в пояснице тупой болью, колени предательски подрагивали, а белая куртка на спине потемнела от пота.

— Тридцать два. — Я качнула ладонью у самого ковра, показывая нужную глубину. — Ниже грудь, Шахов. Касание ковра должно быть полным. Хлопок над головой четче.

— Я... тебя... ненавижу, — прохрипел он на сороковом повторе, впечатываясь грудью в брезент.

— Замечательно. Ненависть бодрит. Сорок два. Сорок три. Шевелись, Глеб. Ты еще даже до середины не дошел.

После очередной паузы он вернулся на исходную. К пятидесятому повтору начался ад.

Лицо Шахова налилось багровым цветом, вены на шее вздулись толстыми жгутами. Затуманенный взгляд упирался в синий брезент в паре сантиметров от подбородка. Капли пота градом катились с носа. Кимоно промокло насквозь, прилипнув к широким плечам и груди.

После семидесяти повторов из горла вырывались глухие стоны.

Он падал на живот с тяжелым шлепом, замирал на секунду и с рычанием выталкивал тело вверх на дрожащих руках. Ноги с трудом отрывались от пола, ладони хлопали вяло.

— Восемьдесят пять, — произнесла я тише, следя за частым пульсом на его шее. — Терпи, Шахов. Борец живет тогда, когда обычный человек уже сдался. Осталось пятнадцать.

Он не ответил. Пересохшие губы не размыкались. Глаза потемнели, но в глубине зрачков горело такое бешеное упрямство, что я почувствовала укол уважения. Другой на его месте сбежал бы в свой внедорожник. Этот продолжал вставать.

— Девяносто восемь... девяносто девять... сто!

На сотом повторе Глеб рухнул ничком на живот, раскинув руки, уткнувшись мокрым лбом в жесткую складку татами.

Зал наполнился хриплым дыханием. Широкая спина под мокрой тканью судорожно вздымалась.

Я подошла ближе, остановившись рядом.

— Минута на дыхание, Шахов. Лежа на спине, руки вдоль тела. Вдох носом, выдох ртом.

Он повернул голову. Глаза смотрели с немой мольбой.

— Скажи... что на сегодня все, — с трудом протолкнул он сквозь гортань.

— На сегодня с берпи закончили. — Я остановила секундомер. — Отдышись, выпей воды. Потом вон тот турник в углу ждет твоих широчайших мышц.

Глеб застонал, зажмурился, но через десять секунд начал медленно подниматься на четвереньки.

В дальнем углу зала из стены торчала водопроводная труба, служившая турником полвека. Металл покрывала темная рябь ржавчины и шершавые следы старой магнезии.

Шахов подошел к снаряду, пошатываясь.

— Десять чистых подтягиваний широким хватом, — скомандовала я. — Без рывков и дрыганий ногами. Подбородок четко над трубой.

Глеб поднял руки. Пальцы обхватили шершавое железо. Костяшки кистей побелели.

— Пошел, — бросила я.

Он дернулся вверх. Первые два раза дались на остатках силы. На третьем спина взмокла, плечи налились чугуном. На пятом он замер над трубой, судорожно вытягивая шею, зубы оскалились, лопатки сошлись до хруста.

— Четыре, — зафиксировала я. — Пятый не засчитан, подбородок не пересек линию.

Глеб опустил на прямые руки, повис, хрипя от злости. Собственный вес казался ему гранитной глыбой.

Он попытался повторить незасчитанное подтягивание. Мышцы вспыхнули жаром, пальцы дрогнули. Сухая ржавчина впилась в распаренные ладони. Кожа не выдержала трения и лопнула на сгибах пальцев, сорвавшись лоскутами.

Хват разжался.

Глеб с грохотом рухнул на тонкий поролоновый мат, завалился набок и свернулся, прижимая окровавленную ладонь к животу.

В зале стало тихо, слышался только его свистящий выдох.

Я опустила на корточки рядом, взяла его руку за запястье. На покрасневшей коже алели две рваные ссадины, медленно сочилась кровь вперемешку с ржавой пылью.

— Кожа тонкая, — констатировала я без злорадства. — Мало работаешь с железом. Ничего, нарастут мозоли.

Глеб лежал, подтянув колени к груди. Грудь ходила ходуном. Весь его столичный лоск и апломб лежали сейчас на матах, разбитые ржавой трубой и сотней берпи.

Я промыла ссадины, закрыла их пластырем и дала ему отдышаться. Через пять минут он уже сидел на скамейке.

Я поднялась, вышла в коридор и вернулась с оцинкованным ведром, наполненным мутной теплой водой с запахом хлорамина, и массивной деревянной шваброй с половой тряпкой из грубой мешковины.

Ведро с металлическим звоном встало перед Шаховым.

Глеб вздрогнул, открыл глаза и уставился на пену.

— Что это? — прохрипел он, приподнимаясь на локте.

— Ведро, Шахов, — пояснила я, прислонив швабру к его плечу. — Бери инструмент. Заключительная часть тренировки.

Он перевел взгляд на мое лицо. В глазах отразился неподдельный ужас.

— Опять мыть пол? В субботу же вылизал!

— Это священное татами, Шахов, — поправила я. — Здесь тренируются дети, сюда падают лицом. Ковер моет тот, кто занимался последним. Тетя Клава убирает коридоры. Чистота зала — дело спортсменов.

Шахов сел на пятки. Лицо окаменело, в глазах мелькнула барская спесь.

— Я плачу тебе тройной тариф, Соколова, — произнес он ледяным тоном. — Могу нанять клининговую службу со спецтехникой, которая вылизет этот подвал до зеркального блеска. Могу купить десять новых ковров к вечеру. Но драить брезент я не стану.

Я посмотрела на него сверху вниз, не дрогнув ни единым мускулом.

— Твои миллионы за этой дверью не значат ничего, Шахов. Здесь есть тренер и ученик. Если ученик считает себя слишком чистым, чтобы вымыть ковер, на котором оставил лужу собственного пота, дверь открыта. Одевайся, садись в автомобиль и катись на Патриаршие. И больше никогда сюда не приходи. Деньги я верну до копейки.

Глава 7

Слова повисли тяжелым грузом.

Глеб смотрел на меня снизу вверх. Ноздри раздувались, кулаки со сбитой кожей сжимались на коленях. В его душе кипела буря. Это требовало хлопнуть дверью и уйти. Но прямо напротив стояла я, и в моих глазах не было страха.

Прошла долгая минута.

Глеб шумно выдохнул сквозь зубы. Плечи опустились.

Он протянул здоровую руку, ухватился за черенок швабры и медленно поднялся на ноги.

— Субботней чистоты, значит, не считается, — глухо сказал он.

— Тряпку опускаешь в воду, отжимаешь, наматываешь на колодку и ведешь от дальней стены к выходу. Стыки матов промывать тщательно. Не размазывать лужи. Работай.

Шахов опустил на колени перед ведром.

Я дала ему хозяйственные перчатки поверх пластырей. Он натянул их, поморщившись, выжал тряпку и набросил на колодку. Первую полосу провел слишком мокро: посмотрел на меня и сам вернулся отжимать мешковину.

Я села на стул и наблюдала.

Наследник строительной империи ползал на коленях по старому татами подвальной спортшколы, методично оттирая вьевшуюся пыль. Сначала движения были неуклюжими, швабра соскакивала. Но постепенно в его действиях появилась странная, упрямая сосредоточенность. Он метр за метром очищал ковер, оставляя ровный след влажной чистоты.

Когда он дошел до двери, на часах было без десяти девять.

Татами сияло ровным влажным блеском. Воздух в зале стал свежим, с чистым духом хлорамина.

Глеб выпрямился, опираясь на швабру. Кимоно на коленях промокло, на лбу темнела полоса пыли, волосы слиплись. Он оглядел полосу до самого выхода, заметил у стыка пропущенное пятно и дотянулся до него шваброй. Только тогда кивнул сам себе.

Он опустил швабру в ведро и тяжело осел на скамейку у стены. Руки бессильно повисли, вздрагивая от усталости.

Я подошла к чугунному умывальнику. Наполнила до краев старую эмалированную кружку с отбитым синим краешком. Вода была ледяной, пахнувшей железом и подземной свежестью.

Подошла и протянула кружку Шахову.

— На. Пей. Маленькими глотками, не простуди горло.

Глеб поднял голову. Взглянул на кружку, затем на мои пальцы. Его губы тронула слабая, кривая, искренняя улыбка.

Он взял кружку обеими руками и сделал длинный жадный глоток. Вода потекла по подбородку на ворот кимоно.

— Господи... — выдохнул он, оторвавшись от эмали. — Соколова, за эту воду в пустыне отдают нефтяные скважины. Ничего вкуснее в жизни не пил.

— Обычная вода из крана, Шахов, — улыбнулась я, присаживаясь рядом на скамью. — Просто ты ее честно заработал.

Он допил остатки до дна, поставил кружку на доски и прислонился затылком к кирпичной стене, закрыв глаза.

— Завтра опять берпи? — тихо спросил он.

— Завтра начнем партер, — ответила я, глядя на его осунувшееся лицо. — Удержания лежа. Там нужно чувствовать баланс.

Глеб не ответил. Он сидел с закрытыми глазами, вдыхая свежий запах вымытого им татами, и казался мне вполне живым человеком, сбросившим наглый мажорный панцирь.

Утреннее осеннее солнце пробивалось сквозь узкие, зарешеченные окна под самым потолком зала, разрезая полумрак косыми золотистыми полосами. В этих лучах лениво кружились редкие пылинки, пахло вчерашней хлоркой, сухим брезентом и свежим холодным сквозняком из приоткрытой форточки.

Глеб Шахов стоял на краю синего ковра, заправив полы белоснежного кимоно под пояс.

Сегодня он двигался заметно свободнее. Железная скованность в пояснице уступила место глухой рабочей ломоте, на сорванных ладонях белели аккуратные полоски медицинского пластыря, а во взгляде не осталось вчерашней растерянности. Он пришел без эклеров, без надменных шуток и ровно за пять минут до назначенного часа.

— Стойка дает обманчивое чувство контроля, — начала я, выходя на середину ковра. — На ногах ты можешь пятиться, разрывать захват, уповать на длину рук или рост. Но в борьбе победа куется внизу. В партере бал правят холодная геометрия, рычаги и центр тяжести. Здесь нет дистанции. Здесь ты остаешься один на один с телом соперника.

Глеб слушал внимательно, чуть наклонив голову набок. Его серые глаза цепко следили за каждым моим движением.

— Ложись на спину, Шахов. Руки вдоль корпуса.

Он без лишних слов опустился на татами, вытянувшись на синем брезенте. Широкие плечи, узкая талия, длинные сильные ноги. Под плотным японским хлопком угадывался рельеф тренированного тела, хотя эта мускулатура формировалась на тренажерах и беговых дорожках, а вовсе не в суровых борцовских схватках.

— Первое базовое удержание, — произнесла я, опускаясь на колени прямо над его головой. — Ками-сихо-гатамэ. Удержание со стороны головы. Применяется, когда соперник опрокинут на лопатки и пытается защитить шею.

Я наклонилась вперед. Мои колени уперлись в ковер по обе стороны от его плеч.

Глеб лежал неподвижно, глядя снизу вверх на мое лицо. Его дыхание было ровным, но в глубине зрачков шевельнулось любопытство.

— Смотри внимательно, Шахов. Если я просто навалюсь сверху, ты легко сбросишь меня мостом или перекатом в сторону. Вес без контроля точек опоры — пустой звук. Сила борца заключается в лишении свободы движения.

Я опустила корпус вниз, накрывая его грудь своей грудью.

Мой подбородок жестко уперся в его солнечное сплетение через два слоя плотной ткани. Руки скользнули под его плечи, ладони нащупали на его бедрах жесткий пояс дзюдоги и намертво вцепились в хлопковые витки, натягивая ткань на себя. Мои ступни широко расставились в стороны, носки уперлись в брезент, а таз опустился предельно низко, прижимая все мое тело к его торсу.

Я зафиксировала позицию, прижав Глеба к полу шестьдесятю килограммами плотного тренированного веса.

— Попробуй уйти, — скомандовала я, чувствуя, как моя грудная клетка ритмично вздымается в унисон с его дыханием.

Глеб хмыкнул, явно недооценивая плотность замка.

— Тренер, ты уверена? Я все-таки на тридцать килограммов тяжелее.

— Меньше слов, Шахов. Работай.

Он уперся пятками в ковер и с мощным выдохом вытолкнул таз вверх, пытаясь выполнить классический борцовский мост и сбросить меня через голову.

Обычный человек на моем месте полетел бы кувырком. Но я мгновенно сместила таз на сантиметр вправо, расслабила поясницу и вдавила свои ребра в его грудину, гася инерцию толчка в зародыше. Его мост захлебнулся. Глеб шумно выдохнул, упал обратно на лопатки и тут же попытался перекатиться на правый бок, дернув плечом.

Я не дала ему сделать даже четверти оборота. Мой захват за его пояс натянулся струной, намертво блокируя вращение таза. Подбородок жестче вдавился в сплетение, выбивая воздух из его легких.

— Еще попытка, — произнесла я, удерживая захват.

Шахов зарычал от досады. Он напряг широчайшие мышцы спины, пытаясь оторвать мои руки от своего пояса, но рычаг был выстроен безупречно. Каждое его судорожное движение лишь глубже вжимало его лопатки в плотный войлок татами. Он бился под моим телом, как крупная сильная рыба в прочной капроновой сети, тратя остатки кислорода на бесполезные рывки.

Через сорок секунд его попытки вырваться стали слабее.

Грудная клетка Глеба ходила ходуном. Под моим животом я отчетливо чувствовала бешеный, частый стук его сердца, готового выпрыгнуть из ребер.

— Понял принцип? — спросила я, слегка ослабляя натяжение захвата, но не поднимаясь с его груди. — Ты борешься с положением своего центра тяжести, а вовсе не с моей силой. Я не держу тебя руками. Я заставила ковер держать тебя за меня.

— Понял... — хрипло выдохнул он, глядя в потолок расширенными зрачками. — Слезь с меня, Соколова. Ты вешишь как гранитная плита.

— Это комплимент моей борцовской технике, — усмехнулась я.

Я плавно оторвала корпус от его груди, переместилась на колени сбоку от его торса и легко перехватила инициативу, не давая ему подняться.

— Второе базовое удержание. Хон-кэса-гатамэ. Боковое удержание с контролем шеи и руки. Самый надежный замок в классическом дзюдо.

Прежде чем Глеб успел выставить блок, я опустила бедром на татами вплотную к его правому боку.

Моя правая рука молниеносно скользнула под его затылок, захватив плотную ткань его ворота на левом плече, и с силой прижала его голову к моему правому боку.левой рукой я намертво зажала его правую руку под своей подмышкой, зафиксировав локтевой сустав собственным предплечьем. Моя правая нога вытянулась вперед по ковру, обеспечивая широкую устойчивую базу, а левая согнулась в колене, упершись стопой в брезент позади моего корпуса.

Я навалилась верхней частью туловища на его грудь, вдавливая его ребра внутрь.

Дистанция между нами сократилась до абсолютного нуля.

Голова Глеба оказалась намертво прижата к изгибу моей шеи. Его щека упиралась в жесткий отворот моей куртки, а кончик его носа касался теплой кожи под моей ключицей. Мое лицо находилось всего в нескольких сантиметрах от его виска. Каждое его горячее, прерывистое дыхание обжигало мою шею и мочку уха влажной волной тепла.

— Здесь контроль идет через шею и локоть, — начала я объяснять, стараясь говорить привычным, бесстрастным тренерским тоном. — Если ты попытаешься развернуться ко мне лицом, я сломаю тебе локтевой сустав встречным движением предплечья. Если начнешь уходить от меня — задушу отворотом твоей же куртки. Любое движение наказуемо.

Глеб не двигался.

Он лежал совершенно тихо, зажатый в мертвом узле хон-кэса-гатамэ.

В зале внезапно наступила гулкая, звенящая тишина. С улицы не доносилось ни звука. Старый чугунный умывальник перестал капать. Даже форточка замерла, не пропуская сквозняка. Только где-то под высоким сводчатым потолком монотонно и низко гудел трансформатор люминесцентной лампы.

Прошло пять секунд. Затем десять.

По правилам соревнований чистая победа удержанием присуждается за двадцать секунд непрерывного контроля.

Я должна была отсчитать положенное время вслух, как делала всегда с учениками. Должна была потребовать попытки ухода, указать на ошибки положения стопы, сделать замечание по поводу дыхания.

Но слова застряли у меня в горле.

Я вдруг с пугающей, сокрушительной отчетливостью ощутила каждую точку соприкосновения наших тел.

Плотный, влажный жар его широкой груди, прижатой к моей груди. Твердые мышцы его плеча, намертво зажатые под моей рукой. Горячий пульс сонной артерии на его шее, бившийся прямо под моей ключицей с глухой, нарастающей силой. От Глеба больше не пахло дорогим столичным одеколоном. От него пахло раскаленным телом, свежим потом, чистым хлопком кимоно и терпкой мужской силой, не знающей компромиссов.

Мое собственное сердце вдруг сбилось с ритма, пропустило глухой удар и заколотилось где-то в горле.

Я почувствовала, как по моей шее, прямо от ключицы к мочке уха, медленно ползет густая, обжигающая волна румянца. Дыхание перехватило.

Глеб медленно повернул голову в тисках моего захвата.

Наши взгляды встретились.

Расстояние между нашими лицами было таким крошечным, что я видела каждую темную крапинку в глубине его серых глаз, тонкие трещинки на обветренных губах и капельку пота, застывшую на его виске. Я ждала колкости, чтобы тут же поставить его на место. Он смотрел на мои губы и молчал.

Там полыхало темное, густое, опасное пламя.

Взгляд Шахова скользнул по моим губам, задержался на мгновение, а затем снова поднялся к моим глазам. Его зрачки расширились, почти затопив серую радужку. Он смотрел на

меня так, словно вокруг не существовало этого подвала, серых кирпичных стен, ржавых труб и сотен километров чужой жизни.

Воздух между нашими лицами словно сгустился, превратившись в наэлектризованную плотную взвесь.

— Тренер... — прошептал он хриплым, глубоким голосом, в котором вибрировала неприкрытая дрожь. Его губы едва не коснулись моей щеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.